

МЕРТВАЯ НЕВЕСТА НА ПРИВЯЗИ

— И чтобы я ни слова от тебя не слышал, ясно? — прошипел Торей, бросив на меня грозный взгляд.

Он шумно толкнул тяжелую деревянную дверь и скрылся за ней, я же не сделала и шага. Душой чувствовала, что была в опасности, но тело мне не принадлежало. Рана больше не болела, и я не дрожала. Казалось, мне все почудилось, но сердце вопило: «Беги! Спасайся!»

Нить, невеста откуда взявшаяся на руке, казалась цепью. Она потянула меня за Тореем.

Долго мы шли в темноте, я — настороженно, мой недруг же ступал твердо, зная каждый поворот и закуток, и свет ему был не нужен. Когда мы добрались до широких ступеней, ведущих наверх, Торей с легкостью взбежал по ним, мне же пришлось семенить, приподняв подол платья. Я помнила, какой тяжелой была ткань покая, но не ощущала ее.

Как странно.

Ступени напоминали широкие плахи моего гроба, только из камня. Над ними будто тоже поработали умелые руки отца, сгладили все неровности и щедро обмазали смолой — в ступенях отражался свет из окон.

Я остановилась, разглядывая серые прожилки на камне, но меня тут же дернуло в сторону.

Нить натянулась.

Торей стоял на верхней ступени, и моему взгляду предстало его изуродованное лицо. Вдоль левой щеки от виска

к челюсти тянулся и прятался в щетине рваный шрам, едва светлее кожи, но все же заметный. А по шее стекала багровая кровь.

— Шевелись, — почти одними губами произнес Торей и снова дернул нить. От этого я подалась вперед и запнулась о ступень. Длинные волосы, не стянутые лентой, упали на лицо, и я смахнула их, взглянув на Торея уже не с сочувствием, а с ненавистью.

Проклятый валгомец!

Все казалось сном. Не мог, ну не мог же Кшай и впрямь отдать меня на службу врагам? Я была покладистой, не перечила родителям, чттила богов, подносила дары на праздники и смерть приняла покорно, как и должно шиньянке. Я не заслужила такой участи!

Я сделала шаг и провалилась вперед. Мир смолк, осталась лишь давящая тишина, как будто я приложила ладони к ушам и с силой надавила — и вот Торей уже был позади меня.

Он был ошарашен, а правой рукой медленно провел по своей груди.

Я смотрела на него с не меньшим удивлением.

Я прошла сквозь него?

— Ты прошла сквозь меня? — отрешенно спросил он.

Я прошла сквозь него!

Торей зажмурился и толкнул дверь слева от себя со словами:

— Нет, не стану об этом раздумывать.

Мы оказались в светлой комнате. Сквозь два широких окна пробивался тусклый свет. Возле серых стен стояли сундуки, чуть поодаль — кадучки с травами. На стенах были развешаны сушеные веточки полыни, из котелка у окна шел пар, как от горячей похлебки. На двух столах лежали развернутые свитки, исписанные обрывки пергамента и гусиное перо. Место напоминало

отцовскую мастерскую, только здесь мастерили не утварь, а снадобья.

У дальнего окна виднелся узкий проход, ведущий в еще одну комнату.

— Викай, поди сюда! — Торей уперся руками в стол слева от окна.

— Бегу, светлейшество, — раздался глухой ответ.

Светлейшество?

Я повернулась к нему.

— Ты из княжьего рода?

— Рот закрой.

Теперь, когда шрам на его лице был так заметен, Торей казался куда страшнее, и я умолкла.

Молодой, и для сватовства гожд. Уж не тот ли это сын валгомского князя, который клялся жениться на княжне Равнин, да исчез?

Я отвернулась. Какая мне разница, кто он? Этот Викай разорвет наш обет, и я отправлюсь в Тоначи. Так заверил Торей по пути сюда, добавив, что ему мерзкие шиньянцы в услужении не нужны.

Казалось, уже ничего не могло удивить, но на стене комнаты, где каждый камушек пропитался ароматами трав, висело копьё! Выглядело оно здесь нелепо, как бельмо на глазу. Этот... м-м-м, Викай был дружинником? Помнится, мать говорила: отец хотел положить жизнь на служение шиньянскому князю, хотел быть дружинником, но куда уж простолюдину! Вот и делал копыя и мечи, пока со двора не погнали. Мама посмеивалась, мол, любовь к сказаниям о давигорских богатырях, прекрасных княгинях и великих битвах мне досталась от него. Я воображала себя, обычную деревенскую девку, верхом на вороном коне, в одеянии княжьего воина, скачущей по полю боя. Наш храбрый отряд непременно одолел бы врагов и увенчал победу славным

пиром. Я воображала себя отважной и свободной. Ну не дуреха ли?

От этих воспоминаний копьё на стене стало манящим. Длинное и толстое древко выглядело как крепкий сук, а наконечник был отлит из прочного металла, заостренный, хоть и покрытый пылью. Мне захотелось коснуться кончиком пальца острия, почувствовать его. Но когда я протянула руку — прозрачную, как лёд на поверхности колодца, — она прошла насквозь.

На миг я позабыла, что умерла.

Из прохода у окна, побряхтывая, вышел старик. Судя по его виду, ему давно было пора почтить Кшая своим присутствием: серый балахон прибавлял прожитых зим, седые волосы переходили в длинную бороду, а та покоилась на широком брюхе. Густые брови торчали в разные стороны. Завидев меня, он сначала опешил, затем крепко зажмурился, надавил кулаками на глаза и распахнул их.

— Святая Видава, — вырвалось у него. Видать, проверял, не чудится ли.

Торей виновато склонил голову и указал на меня ладонью:

— Я ослушался и ошибся. Помогите.

— Ты и вправду ухо себе отрезал! — Викай бросился к нему и повернул голову Торей боком к себе. Курчавые темные волосы были перепачканы в крови и прилипали к шее, прячась багровыми дорожками за ворот.

Старик сокрушенно охнул:

— Как ты еще дух не испустил!

— Это всего лишь ухо. Я прижег рану.

Чем больше я слышала, тем дурнее мне становилось. Он отрезал себе ухо? Сам?

Ответом был вздох, полный негодования.

Торей же волнений Викая не разделял. Он протянул старику смятый пергамент и попытался задобрить улыбкой,

но тот взмахнул руками и даже с некоторой обидой выдернул подачку.

— Украл у меня из-под носа, так еще и в крови испачкал, — проворчал он.

Теперь я заметила, как Торей сжимал левую ладонь, пытаясь скрыть порез.

— Ладонь-то зачем резал?

— Сначала я струсил кромсать ухо.

Разговор больше напоминал беседу двух соседей, которые решали, какую скотину прирезать на ужин.

— Чего вы не на валгомском говорите? — удивилась я. Когда мы зашли, Торей и позвал старика на давигорском языке, и теперь ворчал на нем, будто Викай на другом бы не понял.

— Помалкивай, сказано тебе! — Торей уселся на край стола.

— Не разговаривай так с юной девой! — Викай пригрозил ему пальцем.

— Она шиньянка!

— И потревоженный дух! Имей уважение, не позорь меня перед богами! — Викай зыркнул на Торея голубыми глазами, и тот потупился.

Я задиристо глянула на Торея. То-то же!

Викай притащил еще ткани, чистой воды и мешочки с травами, расставил все это рядом с Тореем и попросил его повернуться раной к свету. То, что раньше было ухом, теперь напоминало кусок свежего мяса, забытого на солнце. Кровь запеклась на месте среза, почернела, а кожа вокруг покраснела. Этот божедурье отсек себе большую часть плоти, оставив нетронутым только мочку, куда женщины обычно вдевали украшения. Старик свободной рукой сунул Торею мешочек с травой, приказал съесть горсть, а сам приложил смоченную тряпицу к ране.

Я вздрогнула — его прикосновение отозвалось болью в моем теле. Почудилось?

Торей зачерпнул траву и впихнул в рот, шумно похрустел и запил водой.

Викай тем временем уже расправлял на столе пергамент. Проведя пальцем по смятой поверхности, он указал на слово:

— Как ты прочитал это, светлейшество?

Торей вытянул шею, чтобы лучше разглядеть.

— Вайме*. Валгомский же.

— Не валгомский, а стародавигорский, — вновь заворчал Викай. — Ты бы знал, коли не прогуливал бы наши занятия. Правильно не вайме, а ойме, как у шиньянцев. стыдоба-то какая, — добавил он себе под нос и вздохнул. Оплешность светлейшества его расстраивала.

Торей поморщился и помахал возле лица рукой, будто отгонял надоедливую мошкарку.

— Будь добр, убери ее и помоги правильно прочесть заклинание. Мне нужен на защиту великий валгомский воин.

Я фыркнула:

— Великий, тоже мне.

Торей или не услышал, или решил не тратить на меня силы.

— Да как же ты не понимаешь! — негодовал Викай. — Это, — он стукнул по пергаменту пальцем, — заклинание давигорских волхвов, отвернувшихся от богов. Его писали кровью, в правильную луну, дабы оно свершилось, даже приносили жертвы, скрепляли кровью колдовство и слово. Я много зим провел за его изучением не ради твоей прихоти! Каждое слово несет смысл, чуть не так прочтешь — и вот что получается. Благодарю Кшая, что к рукам не прибрал! — Он указал на меня. — Дева не просто бесплотная душа. Ты ведь уже чувствуешь жизнь, милейшая?

Он обратился ко мне так внезапно, что я растерялась. Здесь я слышала только брань поганого валгомца, и вот

* Душа (моки.).

меня называли «милейшей», будто я была не простолюдинкой, а из знатной семьи.

Когда я умерла, то не чувствовала ни скорби, ни обиды — ничего. Но теперь в груди бушевали негодование и ненависть к Торей. Я не могла касаться мира: я пыталась в родительском доме, пыталась и здесь, но ничего не выходило. А вот чувства... чувства вернулись.

Я кивнула, и Торей обреченно выдохнул, спрыгнул со стола и принялся расхаживать по комнате. Его сапоги раздражающе скрипели.

Викай благодушно улыбнулся, словно услышал вести о моем добром здравии.

Он совсем не походил на валгомца. При виде Торей мне хотелось убежать в поисках спасения, но стоило появиться Викаю, и сразу стало спокойнее. Его добрый взгляд успокаивал, приглашал довериться. И глаза цвета ясного неба... почему у него были такие глаза? У валгомца — и светлые?

— Понимаешь? — Викай взглянул на Торей. — Она связана с тобой духовно, твои силы и в нее вдыхают земную жизнь.

— Дух-хранитель беспрекословно повинуется своему хозяину. — Торей указал на меня рукой. — А эта несколько раз перечила. Какой толк от такого защитника?

— Заклинания читать нужно верно, божедурье! — Викаю явно надоело спорить. — Особенно те, что можно использовать лишь раз, да еще и расплатившись плотью. Ты хотя бы не додумался себе пальцы отрубить!

Глаза Торей испуганно округлились.

— Как это — лишь раз? — Он в два шага оказался подле Викая. Он был выше головы на две, и старику пришлось вздернуть подбородок, чтобы посмотреть на светлейшество. — Говоришь, отныне у меня в хранителях будет девка-шиньянка, да еще и мертвая невеста к тому же?

В груди кольнуло. Никто еще не называл меня мертвой невестой, а ведь так и было. В моих волосах виднелась красная тонкая лента с нанизанными камушками агата — знак того, что вскоре я бы стала женой. И похоронили меня в белоснежном покое, уже расшитом сермами* нашей богини Светавы. И впрямь мертвая невеста.

Викай выждал и медленно опустил подбородок, а затем снова поднял.

— Сочти ее обещание исполненным и позволь уйти на покой — не терзай душу после смерти, богов ради!

— Тонар велел призвать хранителя, я не могу не внять его последним словам, — с жаром выпалил Торей и повернулся ко мне. — Ты! Меч или лук в руках держать умеешь?

От одного его обращения мне стало страшно. В голосе звучала только вражда, в глазах горело лишь безрассудство.

Ответить мне не дал жуткий вой: он вихрем ворвался сквозь окна, заполнил собой комнату. Нет, то был не вой, а протяжный трубный гул.

И Торей, и Викай ринулись к окну.

Мужчина охнул:

— Неужто воеводы вернулись?

— Вести с границ привезли! — Торей радостно хлопнул ладонью по стене и пролетел мимо меня к двери.

Нить потянула за ним.

Снаружи звук был громче. Он наполнял коридор, разбиваясь о стены.

Мы бежали, и мне приходилось подлаживаться под широкий шаг, чтобы не упасть. Вскоре мы оказались на площадке со ступенями — они вели вниз на все четыре стороны.

Вести с границ? У них на границах войска?

— Так вы все же развязали войну?

* Знак (эрз.).

Я бросила вопрос ему в спину, и Торей остановился, посмотрел на меня через плечо и нахмурился, будто только что увидел.

— Вам земель мало? Это мы на клочках ютимся, так оставили бы нас в покое!

— Что ты мелешь, девка? Лесам ваши земли и даром не нужны.

Он повернулся ко мне, и я отступила. Теперь, когда, кроме него, рядом никого не было, страх в душе проснулся и заставил умолкнуть.

Послышался топот, и вот мимо нас пробежали шестеро мужчин в одинаковых одеяниях: рубахи цвета сухой земли, такие же безрукавки и штаны. К ткани были пришиты металлические пластинки, скрепленные между собой так, что не стесняли движения тела. На головах — шлемы, напоминавшие мне глиняные миски под кашу. В руках — копья, похожие на то, что у Викая на стене висит. Увидев нас, люди замерли в поклоне перед Тореем. Один из валгомцев покоился на меня и даже приоткрыл рот от удивления. Торей заметил это и грозно рявкнул. Мужчины тут же двинулись дальше, и я проводила их взглядом. Со спин на меня смотрели морды медведей, вышитые серебряными нитями.

Мы же больше не спешили. Торей будто вспомнил, что я поплечусь за ним, и потому развернулся спиной и уперся руками в стену.

Нас окружали окна, забранные решетками, но сквозь них все равно виднелись задний двор и конюшня. Я шагнула к одному. Взору предстала округа, такая же мрачная, как и все остальное. Ни единого цветка! Моя шиньянская душа порадовалась бы даже ромашкам, всяко лучше этого мрака.

— Здесь все такое же темное, как и история вашего народа, — прошипела я на свою беду.

Слова заставили Торей опустить голову и издать не то смешок, не то проклятие.

Нить на моей руке дернулась и с силой притянула к его ногам. Сидя подле сапог, я еще никогда не чувствовала себя такой маленькой и ничтожной. Страх, сковавший меня, напомнил, как сильно я отличалась от той выдуманной Авы, скачущей по полю брани с мечом. Она никогда бы не позволила такому произойти. Она бы ударила обидчика, сбילה с ног, придумала бы что угодно, но спаслась. Я же вжалась в пол под тяжелым взглядом валгомца. Он опустился на одно колено и склонился надо мной. Вблизи его лицо казалось еще шире, черты лица — грубее, а глаза стали черными. Пугающе черными.

Торей накинул мне нить на шею и сжал под волосами. Кожу больно резало, а я почувствовала, что не могу вздохнуть.

Пальцы царапали нить. Я хрипела. Воздуха не хватало, и невольно я начала извиваться под его отрешенным взглядом.

Торей не улыбался своему деянию — наблюдал. Я попыталась ударить его по лицу, но ладонь прошла насквозь.

— Тебе было велено не раскрывать рот. — Он приподнял нить и меня. — Теперь ты в моей власти и будешь делать то, что я сказал. А я сказал: «Молчи». Тебе ясно, шиньянка?

Все происходящее казалось ненастоящим, еще одним дурным сном. Но боль от удушки напоминала — все было наяву: я в плену у врага, и даже смерть не спасала от боли и страданий, на которые он меня обрек.

Я выпарапывала себе вдох, но все было без толку.

— Кивни, если поняла, — нашелся Торей. В его голосе слышалась усмешка, но разглядеть ее я не могла — перед глазами поплыли стены.

Я несколько раз качнула головой вверх-вниз и зажмурилась.

Удушка ослабла, и я рухнула на пол. В легкие с хрипом ворвался воздух, но тут же вышел наружу кашлем.

Я же дух, я дух, так почему я дышу и задыхаюсь?

Торей оскалился. Он поднялся во весь рост, отряхнул штанину у моего лица и зашагал по ступеням вниз. Нить между нами стремительно удлинялась.

Вот второе отличие меня от выдуманной Авы: даже после смерти мне не быть свободной.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

[Mifbooks](#)

[Mifbooks](#)

[Mifbooks](#)